

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

В ЗЕРКАЛЕ ДЕТЕКТИВА

К 100-летию со дня рождения Виталия ГУБАРЕВА.

К 85-летию со дня рождения Виталия СЁМИНА.

К 80-летию со дня рождения Павла ШЕСТАКОВА.

К 65-летию со дня рождения Николая ОГАНЕСОВА.

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2012

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

*Есть такие скучные люди,
которые не верят в Волшебство.
Не верь этим людям, дружок!
Я даже знаю некоторых волшебников:
Любовь, Дружба, Честность.
Красивые имена, правда?*

Виталий Губарев

*Жизнью, а не фантазией
расплачиваюсь за каждую строчку.*

Виталий Сёмин

*Я убеждён, что в детективе, как и в жизни,
человек должен поступать
в соответствии с логикой характера,
а не в угоду авторской схеме,
как бы эффектно она ни выглядела.*

Павел Шестаков

*За приобщение к мировой культуре
россияне заплатили страшную цену.*

Николай Оганесов

СОДЕРЖАНИЕ:

Детектив в стране советов.....	5
На зеркало неча пенять, коли рожа крива.....	10
Страдания памяти.....	34
Без страха высоты.....	56
Путь значительно интереснее, чем цель.....	70

ДЕТЕКТИВ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Ходит в журналистской среде одна занятная байка.

Как-то в Ростовском Доме кино состоялась презентация двухтомника «Великие битвы уголовного мира», изданного на средства общественного фонда помощи заключённым.

Всё было очень мило и ненавязчиво. Правда, всё время журналистам и гостям не давала покоя одна мысль: *«На чьи деньги мы гуляем?»*.

Наконец, кто-то на весь зал брякнул:

- Так я не понял... Этот фонд помощи заключённым – общак или не общак?

Приглашённые знаменитости переглянулись и сквозанули к выходу...

Насколько соответствует байка действительности – неизвестно.

На реальность похожа настолько, насколько вообще похожи на реальность современные детективы.

Сегодня жанр детектива стал едва ли не главным в том потоке книжной литературы, которой завалило нас отечественное книгоиздательство. Сочинители и сочинительницы (писателями их даже порой назвать неприлично) всякого разного калибра и пошиба – «пекут» свои опусы точно те пирожки, придумывая и облекая в текстовой корсет сюжетики, ничего общего с реальной жизнью не имеющие.

Стало даже признаком хорошего тона в среде российских интеллектуалов, вежливо подавляя зевков,

открещиваться от подобной литературы: *«Детективов не читаю...»*.

Это падение престижа жанра крайне несправедливо. Особенно, если вспомнить, как смело и отчаянно боролись в 70-е годы молодые российские писатели за признание выбранного ими литературного пути.

Было время, партийные цензоры объявили их почти антисоветчиками, приверженцами *«буржуазного жанра, не имеющего корней в социалистическом обществе, призванного отмереть вместе с преступностью, едва в СССР завершится построение бесклассового общества»*.

Их было не так много – авторов первых советских детективов – Аркадий и Георгий Вайнеры, Юрий Кларов, Александр и Ольга Лавровы, Николай Леонов, Юрий Хруцкий, Леонид Словин.

Особняком, как бы во главе угла, стоял Юлиан Семёнов.

И, конечно же, это были ростовчане Павел Шестаков и Николай Оганесов.

Вот о них сегодня немножко и расскажем.

А ещё – о двух Виталиях. Губареве и Семине.

О Губареве и Семине – побольше, о Шестакове и Оганесове – поменьше. Уж насколько вышло найти сопутствующего материала.

Что объединяет их творчество? Каждый – так или иначе – отразил в своих произведениях события тех великих, с 1941 по 1945, годов.

Снова и снова подтверждая, что войны далеко не всегда заканчиваются с последним выстрелом из орудий.

Сборник наш, который Вы, Уважаемый Читатель, держите в руках, называется «В зеркале детектива».

Интересно проследить, как менялось представление об этом всеми любимом приключенческом жанре. И как – на страницах донской детективной литературы – отражалась советская действительность.

Как – в зеркале детектива – отражалось то простое, как всегда, время.

Тем более, что у героев этого сборника – довольно широкий жизненный диапазон.

Ведь, если Сёмин и Шестаков Губареву годятся в сыновья, то Оганесов – уже внук.

И из наших героев – лишь он один, Николай Оганесов, сегодня жив и (ну, может, не совсем) здоров.

Павел Шестаков ушёл от нас 12 лет назад.

Виталию Губареву – по ходу одного из своих репортажей – довелось заниматься сыскной деятельностью. Он первый (хотя потом – не единственный), по горячим следам убийства братьев Морозовых в глухом уральском селе, стал публиковать полученные материалы.

Может быть, тогда это не была детективная история. Всё понятно – убийство честного пионера кулаками-мироедами.

80 лет прошло, и теперь – совсем всё непонятно. Обросла та давняя история загадками как корабль на приколе – ракушками. И никто, скорее всего, уже ракушки те не очистит.

Ну, не будем вспоминать о плохом.

Говорили, например, что известную повесть Виталия Георгиевича Губарева (о близнецах) замечательный детский писатель Корней Иванович Чуковский назвал *«самым добрым, самым образцовым детским детективом»*.

Виталий Николаевич Сёмин – конкретно детективов (ни добрых, ни образцовых, ни детских, ни взрослых) – не писал.

Но он очень мастерски затронул в своих романах «Нагрудный знак OST» и «Плотина» такую своеобразную тему как блатной мир.

Чудом выживший в 15 лет в нацистском лагере, Виталий Сёмин говорит нам: культ силы и безжалостности – именно это сближает блатных с фашистами. И призывает – и современников, и потомков (то есть, нас с Вами) – об этом никогда не забывать!

Павел Александрович Шестаков и Николай Сергеевич Оганесов – прямые представители детективного жанра. Оганесов ещё и юрист по образованию

Интересно соединились Шестаков и Сёмин.

Виталий Николаевич рассказывал, что *«за 30 лет, прошедшие после войны, я много раз пытался рассказать о своих главнейших жизненных переживаниях»*.

Но только обжигался, чем дальше прошлое, тем короче в нём время, тем легче в этом коротком времени самые страшные несчастья».

А Павел Александрович написал роман о съёмках военного фильма – о событиях именно 30-летней давности. И волею случая прошлое как раз и предстало здесь в своих главнейших жизненных переживаниях: предательстве, мужестве и самопожертвовании.

И совсем по-иному высвечивается тема войны в повести Николая Сергеевича Оганесова «Двое из прошлого».

Давний, сохранившийся со времён войны, клад. И развернувшиеся вокруг этих довоенных итальянских лир и немецких марок страсти: убивают-то, собственно, из-за бумажек, давно потерявших всякую ценность.

Как во всяком произведении приключенческого жанра, так и в этой его разновидности – детективе – важно не только решение задачи, но и её направленность.

То, во имя чего она решается.

Это можно разглядеть уже на классических образцах жанра, хотя бы у Артура Конана Дойля.

Поэтому – как в один голос утверждали советские писатели – и в такого рода произведениях всё начинается и кончается характером.

*

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ, КОЛИ РОЖА КРИВА

*- А я, между прочим,
только твоё отражение!*

Виталий Губарев

В 63-м эта картина была признана лучшим детским фильмом года.

Критики на все лады расхваливали костюмную ленту. Особых лестных слов удостоились юные актрисы.

После премьеры девочек с мамой пригласили на приём в Кремль, вручили подарки. Со студии Горького им привозили мешки писем. Мальчишки забрасывали записками.

Но Оле и Тане быстро надоело строчить ответы. Да ещё и чуть ли не ежедневно смывать в подъезде со стен признания в любви.

О чём речь? И о ком?

О чудесной детской сказке «Королевство кривых зеркал» и об исполнительницах главных ролей – близняшках Тане и Оле Юкиных.

У многих народов есть свои сказки о зеркалах. Писал об этом волшебном предмете и Александр Сергеевич Пушкин. Помните?

*Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.*

В позапрошлом веке английский математик Льюис Кэрролл сочинил сказку о зеркале, с помощью которого его маленькая соотечественница попадала в забавный мир каламбуров и несуразиц.

У Ханса Кристиана Андерсена – злое зеркало, отражающее весь мир наперекосяк. Да вдобавок, заморозившее сердце мальчика Кая.

Но ни у одного автора герой сказки не встречался ранее с собственным отражением в зеркале – *«не видел себя со стороны»*.

И ни в одной сказке ещё автору не помогали зеркала с такой уничтожающей силой разоблачать мир насилия, ханжества и угнетения человека, как в «Королевстве кривых зеркал».

Тема зазеркальных путешествий давно превратилась в бродячий сюжет, но найти в нём новую грань – большая авторская удача.

Кстати, это ещё и великолепная «говорящая» находка. Вслушайтесь: *«королевство кривых зеркал»*. Эти повторяющиеся звуки «к», «р», «л» и «в». Название какое-то – сразу немножко тревожное.

Так и слышится: то ли звон бьющегося стекла, то ли льдинки рушатся от жестокого ветра. И ощущается плавное – то ли выпуклое, то ли вогнутое – состояние зеркальной поверхности. И состояние это – неправильное! Не так тут что-то!

Все мы знаем весёлый аттракцион «Комната смеха». Весёлый! Никогда кривые зеркала не вызвали в этой комнате тревоги.

А вот кривые зеркала Королевства – вызывают. И очень.

Гениальная находка! Эту строчку можно даже приблизить к хрестоматийной пушкинской:

*Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.*

А придумал эту гениальную строчку и озаглавленную её чудесную сказку наш земляк Виталий Георгиевич Губарев.

Летом мы будем отмечать его 100-летний юбилей.

Виталий Георгиевич родился в Ростове 17 августа 1912 года.

Раннее детство будущего писателя проходило на небольшом хуторе Большая Козинка (или Козюлька), где его бабушка заведовала начальной школой.

Писать Виталик начал рано – журналистская жизнь началась с выпуска школьных стенгазет и рукописных журналов.

И вот ростовский журнал «Горн» публикует рассказ «Гнилое дерево». Счастливому автору, посвятившему своё первое печатное произведение пионерскому лагерю, дружбе городских и деревенских ребят, – 14 лет.

И, наверное, с той поры писатель ни на день не порывал связи с пионерской организацией. Виталий сам был пионером и пионерским вожатым. Став комсомольцем, а затем членом партии, всегда продолжал творить для детворы.

Его перу принадлежит книжка очерков «Пионерам о комсомоле». Он же был составителем первого издания широко известной среди пионерских работников «Книги вожатого».

С 20-ти лет Виталий Губарев работает в газете «Дружные ребята» – издании для сельских школьников. Работа спорится, и он даже получает благословение Алексея Максимовича Горького

Вскоре его принимают в Российскую ассоциацию пролетарских писателей.

После окончания Высших курсов журналистики и Литературного института им. Горького он становится главным редактором газеты «Пионерская правда».

Работа в детской печати – дважды отмечена орденом «Знак Почёта». ЦК ВЛКСМ наградил его своей Почётной грамотой и знаком «За активную работу с пионерами», а Министерство просвещения РСФСР – значком «Отличник народного просвещения».

Писательский труд Губарева начинался в 30-е годы, оставившие памятный след в истории страны. Неудивительно, что первые произведения были созданы под влиянием политических событий того времени. Тогда же ему предлагают должность преподавателя Института детского коммунистического движения. Далее – заведование кафедрой пионерской работы в Центральной комсомольской школе.

Тысячи пионерских отрядов каждый год отправляются в интереснейшие путешествия по своему родному краю. Инициатором этого большого и полезного движения был редактор «Пионерской правды». Виталий Георгиевич сам много ездит по стране.

Встречи со школьниками, их многочисленные письма помогают разбираться в интересах читателей и находить самые занимательные темы.

В 1961 году в советской печати обсуждался проект новой Программы КПСС. Интересно сегодня читать высказывания писателя Губарева. Они вызывают зависть – то поколение действительно верило, что *«завтра будет лучше, чем вчера»*:

«В эти удивительные дни невольно наплывают воспоминания детства... Хуторская школа неподалёку от Ростова-на-Дону, холодный класс, за разбитыми стёклами свистит ветер. На старых партах аккуратно нарезанные листы обёрточной бумаги – где-то их раздобыла для нас наша добрая учительница Мария Григорьевна. Бумага заменяет нам тетради. А вместо чернил – разведённая водой печная сажа.

Мария Григорьевна диктует:

- Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Потом маленькая курносая Катя Ирхина огромными печатными буквами написала эти слова на кумаче, и мы повесили его над классной доской.

В то время было холодно и голодно. Шёл трудный 22-й год. Но мы, мальчишки и девчонки, страстно верили, что прекрасный, как сказка, мир, о котором нам рассказывала любимая учительница, мир, именуемый волшебным словом «коммунизм», обязательно наступит!

Сознательная жизнь нашего поколения начиналась с мыслями о коммунизме.

Помните, мы пели в детстве: «Наш паровоз, вперёд лети, в Коммуне остановка!»

Тогда эта остановка казалась ещё где-то очень далёкой. На самом деле она оказалась значительно ближе: мы начали строить коммунизм и построим его на протяжении жизни одного поколения. Это грандиозно!»

Губарева называют пионерским писателем. И это действительно так.

В 1932 году ещё совсем молодой рабкор Виталий участвовал в расследовании дела об убийстве деревенского мальчика Павлика Морозова. Накопленный в результате расследования материал лёг в основу повести.

Им созданы и другие вещи о юных пионерах – такие как «Ровесники» – о подпольном пионерском звене, действовавшем в годы Отечественной войны в тылу врага, «Дружба» – о приключениях пионерского звена в сибирской тайге. Героическую военную тему писатель продолжает повестью «Солнце Полесья», о подвиге мирных дней – «Монтигомо – Ястребиный коготь».

Документальные повести – одно из главных направлений его творчества.

Сегодня это читать никто не будет.

Ещё Виталий Георгиевич сочинил несколько замечательных фантастических повестей.

Его стиль очень интересен соединением элементов сказки, исторического романа, детектива и фантастики.

Произведения эти любимы многими поколениями детей – а в 70-е их называли эталоном отечественной фантастики для детей. *«Не осталось, кажется, такой детской мечты, в которую бы ни проник писатель и не осуществил её с помощью вымысла»*, - писал критик.

Губарев сумел не только рассмотреть будущее, но и увидеть прошлое.

Сказки «Преданье старины» и «Часы веков» очень богаты историческими сведениями об укладе жизни Древней Руси и первобытных людей.

Если открыть стеклянную дверцу старинных часов, то за маятником обнаружится вторая, задняя, из красного дерева, которая ведёт в прошлые века!

О своём доме – Земле – ребята вспоминают в другой сказке-мечте Губарева – «Путешествии на Утреннюю звезду». Они встречаются с инопланетянами, летают на мыслеплане.

Автор находит очень простые и такие понятные всем слова:

*Нет конца просторам Вечности,
Но тепло родной Земли
По дорогам Бесконечности
Мы с собою пронесли!*

В ещё одной сказочной стране Карликии – повесть «В Тридевятом царстве» – лыжница Оксана, став по воле случая принцессой, изменяет несправедливые законы и находит друзей благодаря честности, отзывчивости, благородству.

Как хороший педагог, Губарев рассказывает об очень серьёзных вещах просто и увлекательно, без надоедливых нравоучений. Порой даже кажется, что автор сам чуточку посмеивается.

Пиратская повесть «Трое на острове» – это весёлая шутка о мальчике Боре, который не любил работать и однажды увидел, что получится, если все без исключения желания исполняются без всякого труда.

О, вначале это представляется заманчивым! Но какая на самом деле это тоска – ничего не делать!

В конце концов, разговор с пиратом по кличке Кошачий зуб на многое открывает Борису глаза:

«Ах, сэр, все мы живём для того, чтобы работать поменьше, а иметь побольше! Для этого один человек всегда пожирает другого. Вот, например, мой родной дядя. Он раньше был пиратом, сэр! Он убил и ограбил сто восемьдесят два человека и стал миллиардером! А теперь дядю знает вся страна, и его охраняет полиция!»

Изумлённый этим рассказом Борис невольно спрашивает: *«Значит, миллиардеры – это одно и то же, что разбойники?»*

Как тонко подмечено!

Кажется, что в этих фантастико-историко-детективно-сказочных повестях Виталий Георгиевич ненадолго забывал о своей «пионерскости» и просто давал выход фантазии. По крайней мере, соотношение – остроумной выдумки и советской идеологии – там явно не в пользу последней.

Недаром все эти книги успешно продолжают переиздаваться и сейчас, в начале XXI века.

Но известен Виталий Георгиевич Губарев – у нас в стране и за её пределами – не редакторством, не несчастным Павликом Морозовым. И даже не своими фантастическими изысками.

Его знают как автора «Королевства кривых зеркал».

«Хочу вам рассказать о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно увидеть не себя, а совсем другую девочку – скажем, сестру или подругу. Таким образом, она довольно долго наблюдала самоё себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых она раньше в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки в характере могут стать серьёзным препятствием на пути к цели», - говорит в предисловии к своей сказке писатель.

В контексте времени повесть выглядит по меньшей мере неоднозначно, хотя Губарев вряд ли ставил себе задачи сверх дидактических.

Давайте поговорим об этом самом интересном творении нашего талантливого земляка – об его криво-зеркальной стране.

Попавшая туда советская пионерка потрясена увиденным.

Погнавшись за убежавшим через волшебное зеркало котом Барсиком (этот момент использует позднее в своём «Иване Васильевиче...» Леонид Гайдай), Оля

оказалась в сказочном Королевстве, где столкнулась со своим собственным отражением – Яло.

Оля – девочка, в обычной жизни не отличавшаяся никакими особыми достоинствами (более того, в её характере было немало различных недостатков), – эта девочка становится настоящей героиней, когда чувствует, что в её помощи нуждается угнетённый зеркальщик Гурд.

В критической ситуации Оля становится более ответственной и требовательной к себе. Рискуя жизнью, пройдя через труднейшие испытания, она, наконец, побеждает зло и спасает Гурда от смерти.

Но уж такова природа любого порядочного человека – как бы даёт понять читателю автор, – не успокаиваться до тех пор, пока не выполнишь своего долга.

А вот Яло воплощает все её недостатки: рассеянность, лень, чрезмерную любовь к сладкому, боязливость.

Без преувеличения можно сказать, что «Королевство кривых зеркал» стала одной из самых любимых книг советских детей.

Вряд ли есть школа, где не знали бы таких «имён наоборот»: Топсед, Яло, Анидаг, Гурд, Аксал, Нушрок, Абаж.

Многие из них стали нарицательными.

Сказка о девочке и её двойнике стала так популярна, что буквально попросилась на экран.

В детстве Оле и Тане Юкиным выпал счастливый билет. Их пригласил на главные роли в своём новом фильме мэтр сказочного кинематографа Александр Артурович Роу. У которого – как говорили современники – была душа ребёнка.

Александр Артурович был сыном ирландского инженера, работавшего в России по контракту. Страна победившего социализма иностранца-капиталиста не прельстила, и с 10 лет Саша рос с мамой.

Но фильмы свои этот советский полуирландец ставил на основе русского фольклора, удивляя былинным размахом постановки, великолепным антуражем, удачным использованием доброго народного юмора и очень умелым подбором команды.

«На его съёмках всё было волшебным: люди, придумывавшие необыкновенные фокусы, умные хрюшки, пни, которые расцветали, - делилась своими восторгами народная артистка Инна Чурикова. - Но этот сказочный мир сам режиссёр очень тщательно выстраивал».

Претенденток на главные роли было достаточно.

Роу остановил выбор на 9-летних сёстрах Юкиных. Александр Артурович учил их всему – свои фильмы он делал очень тщательно.

Счастье девчонок было огромным – мягкий вагон, Крым, известнейшие артисты! А потом – поклонники, приглашения!

И – сумасшедшая слава!

Артистками, правда, Оля и Таня не стали – поступили в машиностроительный техникум. Но работать вышло в «Интуристе» – они занимались отправкой

советских туристов за границу. По долгу службы и сами часто ездили в Европу.

Вот так, одними из первых в Москве, сёстры Юкины обзавелись импортной бытовой техникой и – такими дефицитными в СССР – американскими джинсами. Жилось не хило.

До 90-х.

А в 90-х «Интурист» развалили. Ольге с Татьяной удалось устроиться дежурными в военкомат. Денег катастрофически не хватало. Не умереть с голода помогал лишь подмосковный участок.

Это в «Королевстве кривых зеркал» Оля и Яло, выступая против коршуна, змеи и жабы, смогли перебороть свои страхи, став смелыми и стойкими. В реальной, взрослой жизни у них не хватило духу противостоятъ обстоятельствам.

Их рано состарили не годы, а безысходность и нищета.

Почему так?

- Фильм сломал судьбу всем Юкиным! Нечего заигрывать с зеркалами и потусторонним миром, - говорила, осеняя себя крестом, их соседка тётя Лида. - Ни Тани, ни Оли уже нет в живых. Так и ушли в мир иной некрещёными. У одной сын, Максимка, чуть не угорел. И ни у Максима, ни у Юли детей так и нет.

А что у остальных актёров?

Анатолия Кубацкого (Йагупоп 77-й) собственный сын определил в Дом ветеранов, где тот доживал свои дни, часто впадая в агрессию. О былой славе не вспоминалось.

Вера Алтайская (Асырк) была несдержанным на язык человеком. Злоязычие и скандальный характер сделали свое чёрное дело. Партнёры её не любили, а режиссёры побаивались. С возрастом появилась и ещё одна страшная привычка – пьянство. Она умерла в возрасте 59 лет

Страшнее всего сложилась судьба исполнительницы роли тётушки Аксал. Свои дни она закончила в одиночестве, в запущенной квартире, кишасей крысами. Звезду советского кино забыли все.

А тогда...

Тогда великолепная Тамара Макаровна Носова была женой хорошего детского писателя Виталия Георгиевича Губарева.

Тамара Носова сыграла более сорока ролей в кино. Но самые, пожалуй, запомнившиеся – это секретарша Тося из рязановской «Карнавальной ночи» и бразильская миллионерша донна Роза д'Альвадорес из фильма (ещё одного нашего земляка) Виктора Абрамовича Титова «Здравствуйте, я ваша тётя!»

И добрая тётушка Аксал из кривозеркального Королевства.

В молодости Тамара Макаровна была красоткой. Первый муж-дипломат увез её в Австрию, он не хотел, чтобы жена снималась в кино.

Потом был ещё один муж.

А потом был гражданский брак с писателем Виталием Губаревым, автором сказки «Королевство кривых зеркал», которую – кстати – он и посвятил своей дорогой Тамаре.

Литератора актрисе представил режиссёр. Глянув на автора через плечо, Тамара тут же забыла о его существовании.

А вот писатель уже не смог выбросить из памяти эффектную блондинку. Узнав, что Роу увёз всех в Ялту, Губарев помчался следом.

Он был на 15 лет старше, очень красиво ухаживал. Дарил ведь не только цветы – целые сценарии!

И когда позвал замуж – Тамара согласилась не раздумывая:

- Просто сделал мне официальное предложение. Внезапно. Это было очень романтично: мы прожили шесть лет. Жизнь моя прошла красиво. Я не могу пожаловаться, что Бог меня обошёл этим счастьем. Самое счастливое время у меня было, когда я с ним жила.

А вот её маме писатель пришёлся не по душе:

- Иногда матери до старости пытаются воспитывать детей, вмешиваются в их личную жизнь, - рассказывала актриса. - Моя мама привыкла командовать на заводе, где была заместителем начальника цеха. Рядом с ней я была мошкой, которая во всём ей подчинялась.

Жить супругам пришлось в одной квартире с Носовой-старшей.

Оставить её одну Тамаре не позволял дочерний долг – родительница постоянно жаловалась на здоровье, требовала ухода.

Зятя же не выносила, считая его алкоголиком.

Губарев действительно не упускал шанса пропустить рюмку коньяку, когда выгуливал собаку. Однако никто и никогда не видел его пьяным.

«Может, вам норковую шубу подарить?» - пытался задобрить вторую маму Губарев. Но неподкупная дама от подарков отказывалась. Мириться с мужем дочери она не собиралась.

Из-за постоянных конфликтов между зятем и тещей семья распалась. Губарев вскоре опять женился, но чуть ли не каждый день звонил Тамаре.

- Потом он уехал в командировку, и там с ним случился инфаркт. Я позвонила его жене... Она мне всё рассказала. Я так плакала.

Личная жизнь Тамары Макаровны так и не заладилась.

Четыре года она встречалась с женатым актёром и режиссёром Николаем Засеевым, жить в той семье он не хотел, но супруга угрожала в случае развода отравить газом себя и дочку.

Расстались. Но Николай продолжал приглашать её во все свои фильмы, однако Тамара из гордости отказывалась.

В жизни Носова не стала миллионершей. Не было и своих фазанят – так никого и не родила. А из Театра-студии киноактёра её уволили по сокращению.

В последние годы бывшая звезда жила в нищете и добровольном одиночестве, не пуская посторонних ни в душу, ни в дом. В шкафу пылились шубы, в гараже – ржавели два автомобиля. По дому разгуливали крысы и тараканы.

Ремейк фильма-сказки «Королевство кривых зеркал» снял Александр Игудин. По задумке режиссёра в современной версии сюжет закручивается в «За-

экранье» на музыкальном сказочном конкурсе «Кривовидение – 2008».

Две героини-близняшки, которых играют сёстры Маша и Настя Толмачёвы, смотрят конкурс по телевизору. Их затягивает в королевство шоу-бизнеса – Сен-Биз Уош.

Ничего особенного ремейк не представляет – так, обычная новогодняя солянка. Очарование сказки утеряно.

Но вот о сёстрах Толмачёвых – победительницах Детского Евровидения – 2008 – что-то больше не слышно.

Хотя им прочили суперкарьеру.

А роскошный пародийный театр Евгения Петросяна «Кривое зеркало» катастрофически теряет своих звёздных актёров: покинули его стены «Кролики», Михаил Бандурин, братья Пономаренко (ещё одни наши земляки). Всё реже появляются в спектаклях «Новые русские бабки»...

Может быть, правда, не стоит заглядывать в зазеркалье?

Но в советские времена не пятиклассница Оля и не её зазеркальный двойник Яло были делом всей жизни Виталия Георгиевича.

Дадим слово писателю и журналисту Владимиру Степановичу Губареву – больше 40 лет вёл он разделы по науке в «Правде» и «Комсомолке», лично общался с самыми засекреченными лицами страны – создателями атомной бомбы Юлием Харитоном, Яко-

вом Зельдовичем, Кириллом Щёлкиным, Ефимом Славским и многими другими.

Не так давно вышла его новая книга «Белый архипелаг Сталина», в которой автор раскрывает секреты самого закрытого советского проекта – созданию атомного оружия.

Итак:

- В некотором роде все Губаревы – родственники. Была такая помещица Губарева. У неё были две деревни: одна на Орловщине, другая – на Волге. Чтобы её крепостных не путали с чужими, она всех распорядилась называть Губаревыми. Оттуда пошла наша фамилия.

А известными стали Виталий Губарев, который написал книжку о Павлике Морозове; дважды Герой космонавт Алексей Губарев и мой отец Степан Губарев, который имея четыре класса церковноприходской школы, стал лётчиком-истребителем и воевал в дивизии Покрышкина.

Вот. Оказывается, даже сейчас – в совсем не советские годы – Виталия Георгиевича Губарева многие ассоциируют не с зеркалами.

Хотя детвора страны советов, в своём большинстве, и не подозревала, что автор так любимого Королевства и автор нудного повествования о Павлике Морозове – один и тот же человек.

А при случайном выяснении, все удивлялись. Неужели тот самый Губарев? Один и тот же?! Фантастика!

Через несколько дней после юбилея писателя отметит печальную дату его герой. Тот, за которого писателю вручили первый орден «Знак Почёта»

3 сентября 1932 года, то есть 80 лет назад, в уральском лесу зарезали 14-летнего Павла Морозова. Вместе с братишкой Фёдором.

Не было в СССР такого пионера, который не прочитал бы книгу о Павлике Морозове.

Трудно сказать, испытывал ли автор чувство гордости, когда его называли «пионерским писателем». Во всяком случае, чтобы заработать это почётное звание, он сделал немало.

Именно Губарев первым узнал о гибели братьев Морозовых и положил начало одному из мифов советской эпохи. И, благодаря идеологическому освещению этого убийства, молодой журналист сразу стал очень известен.

Сначала появилась его телеграмма в «Пионерской правде», затем статья «Один из одиннадцати» (то есть из одиннадцати пионеров села Герасимовка Верхне-Тавдинского района Свердловской области), дальше – повесть «Сын. О славном пионере Павлике Морозове».

А потом Губарев осуществил мечту расстрелянного Мейерхольда и написал ещё и пьесу.

Впоследствии всё это часто переиздавалось в Советском Союзе и за рубежом. Примечательно, что различные варианты его книг сильно различаются по изложению событий – как друг от друга (разное количество и содержание глав), так и от пьесы.

А в чём же отличие от истины?

Ну, именно с лёгкого пера Губарева погибший парень стал пионером – таковых в Герасимовке в 1932 году вообще не водилось. Все современные мастера ретуширования соглашаются, что красный галстук на фотографии подрисовали посмертно. Прочие детали – тоже подправили.

Рассказывают, что настоящий Морозов трижды поступал в первый класс, к 14 годам еле-еле выучился читать и был, судя по воспоминаниям, подростком довольно трудным – мстительным и злопамятным.

Впрочем, и такого рода свидетельства надо принимать с оглядкой.

Очень уж многих из советских героев превратили в антигероев.

Те, кто в перестройку творили из Павлика антими́ф, с одной стороны, указывали на его белорусско-еврейское происхождение – семья Морозов (Морозовых) приехала на Урал только в начале XX века.

А с другой – намекали на кровосмесительность браков среди герасимовских крестьян: все, мол, давно переженились, началось вырождение; и старший сын Трофима Морозова – явный результат генетического сбоя.

Мы никогда уже не узнаем, что случилось в Герасимовке на самом деле. Говорят, Трофим, не выдержав семейной жизни с Татьяной, матерью четырёх его сыновей, ушёл к соседской молодухе.

Татьяна пыталась его вернуть. Подучила Пашку припугнуть отца – настучать на него в ОГПУ: мол, как председатель сельсовета, выдавал ссыльным кулакам фальшивые справки, чтобы те могли вернуться на родину.

Татьяна думала – мужа постращают и он приползёт домой побитым псом.

А Трофиму дали 10 лет.

Отсидеть посчастливилось всего год: после процесса над убийцами сыновей, его – на всякий случай – расстреляли.

Как и тех, кого признали виновными в убийстве, – деда Сергея Морозова (ему был 81 год), 80-летнюю бабушку Ксению – за доноительство, дядю 70 лет от роду и двоюродного брата, не дожившего и до 20.

На них эта кровь или нет, Бог знает?

Мы со своим сегодняшним цинизмом сказали бы: да гэпэушники сами и убили!

Чтобы было из кого творить миф, когда востребовалось доноительство в государственном масштабе.

Но Павел Морозов действительно наводил на дома родни продрозвёрсточников, показывал, где прячут хлеб. Видимо, назло. Потому что мать обидели и его проклинали! Наверное, не мог остановиться: чем хуже, тем лучше.

Закончилось всё страшно.

Убийство детей не перестает взывать к небу, даже если дети были не из лучших. Говорят, царевич Дмитрий тоже был садист малолетний, нравом вышел в папашу своего – Грозного. А почитается святым.

Святым – только по коммунистическим канонам – почитался ещё недавно и Павлик Морозов.

История эта – дьявольский перевёртыш, глумливая пародия на христианство.

Ради единого отца народов люди оставляют и родителей, и детей, и супругов. Не просто оставляют – отрекаются, предают смерти.

Считается ли донос грехом? В списке десяти смертных грехов есть, как известно, лжесвидетельство.

Но, предположим, что Павлик не врал.

Ответ священника: *«Этот вопрос взвешивается на очень тонких весах христианской нравственности. В одном случае молчание – грех, в другом свидетельство становится преступлением и грехом... Иногда зло оборачивается добром, иногда добро превращается в зло».*

В случае Павлика Морозова цепная реакция зла не прерывалась.

Только в кривом зеркале ребёнок, который предал родного отца, может выглядеть образцом для подражания.

Кстати, через много лет после «Королевства...» появился ещё один фильм, где имена-перевёртыши символизировали недоступный мир. Помните – Ядан, Ятим, Ясум?

Знаменитые оscarоносные «Утомлённые солнцем» Никиты Михалкова.

Энкавэдэшник дядя Митяй рассказывает маленькой Наде сказку о прошлой жизни.

При этом сам Митяй уже в зазеркалье. И там – по ту сторону – норма кажется ему волшебством.

Один из критиков написал, что *«Виталий Губарев поставил Иуду перед кривым зеркалом, чтобы там отразился Христос».*

Возможно.

Тамара Носова не скрывала, что её третий супруг прикладывался к рюмке. Возможно, страдал «синдромом Фадеева» – только в алкогольном угаре можно не видеть того, что творится вокруг.

Хотя кто у нас не пьёт? Пьём, когда зеркала кривые, – потому что безнадёга, пьём, когда они ненадолго выпрямляются, – потому что страшно смотреть.

А пенять на зеркало нам классик запретил.

Сейчас времена другие. Об убийстве подростков в том далёком году и в том далёком селе никто не вспоминает. Сегодня самого автора вспоминают, в основном, в связи с его кривозеркальным Королевством.

Сказку эту он написал мастерски, зрелищно, хотя и очень идеологично.

А как выглядит эта идеология с высоты взгляда третьего тысячелетия?

В Королевстве, куда попали Оля и Яло, все зеркала, как и следует из названия, были кривыми. На этом строилась машина государственного подавления.

Люди смотрели не вокруг себя, а в волнистую амальгаму и видели процветание, счастливые улыбки, красивые дома, много хлеба, румянец на детских щёчках.

Книжка Губарева вышла в 1951 году.

А знаменитый фильм – в 63-м. 28 августа.

Утверждают, что по Центральному телевидению «Королевство кривых зеркал» показали впервые 16 апреля 1964 года в недетское время – 19. 30.

Обычно в этот час семьи собирались смотреть «взрослое» кино.

16 апреля – на первый взгляд, вроде бы ничем не примечательная дата.

Но на следующий день – 17 апреля – вся страна широко и пышно отмечала 70-летие тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущёва.

Как знать, не был ли фильм, показанный накануне юбилея первого лица государства, намёком на нашу страну, бывшую до прихода к власти Хрущёва как бы кривозеркальным королевством, в котором искажалась действительность и люди страдали за правду?

Хрущёв в этом случае как бы явился освободителем народа.

Есть и другое мнение.

Сменилась эпоха. Книжный король Топсед (Деспот) на экране превратился в Йагупопа (Попугая).

Кто-то увидел сходство лидера страны с глупым королём и решил скрыто поиздеваться над Хрущёвым? Специально?

Ведь через несколько месяцев после выхода фильма на экран октябрьский пленум ЦК отправил в отставку эксцентричного, как какаду, Никиту Хрущёва.

Домыслы, конечно. Хотя...

Легче поверить в то, что под прикрытием детской сказки пронесли идеологическую мину, нежели в сам факт появления подобной книги при жизни главного Топседа – Иосифа Виссарионовича Сталина.

Взрослея, мы понемногу начинаем разбираться в том, что такое добро и зло. И понимаем: в жизни ведь так и бывает – люди тянутся к злу, потому что оно принимает очень привлекательный облик, гипнотизирует, что-то «цепляет» в человеческой душе.

Основная политика Королевства – изготовление кривых зеркал. Уродливые в них – кажутся красивыми, а красивые – уродливыми; молодые – старыми, а старые – молодыми; голодные и измождённые выглядят цветущими и упитанными; а дородные и сытые кажутся стройными и худощавыми.

Мечта любого правителя!

Единственное прямое зеркало в Королевстве есть только у короля.

Чем не атомный чемоданчик?

Во главе страны – король Йагупоп 77-й. И хотя, власть принадлежит его предкам уже много поколений, на самом деле страной управляют представители самых богатых и влиятельных семей.

Наиглавнейший Министр Абаж и Главнейший Министр Нушрок. Оба они, как и дочь Нушрока красавица Анидаг, предпочли бы королевствовать самостоятельно.

К этой цели они способны идти по головам союзников, например, Анидаг, сговорившись с Абажем, соглашается отравить своего отца.

Нушрок пытается отправить на тот свет Абажа. А тот – в свою очередь – Анидаг.

Ничего не напоминает?

Виталий Георгиевич Губарев умер от инфаркта в 81-м.

Наверное, он и сам не понял, какую крамолу написал. И никто, по счастью, не понял.

Так велико было доверие к первому биографу Павлика Морозова.

*

СТРАДАНИЯ ПАМЯТИ

*В сущности,
он писал одну книгу –
исповедь собственной души.*

Борис Можяев

Юрий Домбровский писал Сёмину о повести «Семеро в одном доме»:

«Ты не польстился ни на один выигрышный момент, нигде не посягнул и не перешагнул повседневность. Вот отсюда и огромный моральный, и художественный выигрыш твоей повести. Она вся без выкриков, без экзотики страданий, без трагедий и философских

монологов – просто строят дом и всё, – а какая сила постижения всего и всех».

Их не стало почти одновременно. 10 мая 1978 года умер Сёмин. Через девятнадцать дней – 29 мая – Домбровский.

Сёмину за год до этого минуло 50.

Домбровскому через год предстоял 70-летний юбилей.

И Домбровский, и Сёмин – прошли лагеря. Критик Леонид Дубшан напоминает: *«Домбровский – много-летний гулаговский. Сёмин подростком – тусклый ад нацистского арбайтслагеря. Отсюда общее для них обострённое переживание воли как главной ценности».*

Благодаря радению московских друзей и покровителей в первой половине 70-х он всё-таки пробился к читателю.

Роман «Нагрудный знак «OST» – главная его книга, сочинять которую он начал фактически сразу по возвращении из плена.

Как писалась эта книга? Откуда и почему она появилась?

Мстительными, иногда очень, бывают люди не только (от природы) не злые, но и высоконравственные, с понятием о чести.

Кто видел последнюю войну, побывал в самом её пекле, тот со всем этим живёт всю остальную жизнь. Унижения – великим, трудно представимым голодом,

холодом, страхом, непосильным физическим трудом – убийственны.

Переживая выпавшую на твою долю жуткую действительность, ты спрашиваешь пространство перед собой: за что, почему? Это, в конце концов, превращается в обыденность рабства, когда в твоей голове с самых разных сторон перерабатывается одно и то же: за что? зачем? почему?

Удовлетворение может принести только месть. Доказать мстостью, что ты тоже человек.

Виталий Сёмин, когда война уже окончилась и стало возможным мстить (по книге – главный герой участвует в убийстве), всё-таки никого не убил. Но пришёл к выводу, что должен об этом рассказать, написать, заклеить.

Книгу подхватили, растиражировали. Говорили: гениально! Говорили: никто не писал о рабстве подростка в германском плену – в таком объёме, с такой полнотой.

Это было не просто мнение, но глубокое удивление и признательность.

Рецензии, статьи, деньги обрушились на Виталия Николаевича.

Но это всё будет уже потом, в конце 70-х.

А в 60-х было иначе.

Ростовская писательская организация.

Василий Воронов вспоминал, как Владимир Фоменко запальчиво убеждал:

«Какие мы писатели? В Ростове один писатель – Виталий! Посмотрите, как он вяжет слова.»

Как точно, предметна и прозрачна каждая фраза. Заметьте, он никогда без дела не описывает предмет или человека, но в то же время у него всё появляется как бы само собой и как бы без участия писателя облекается в слова.

Так умеют только большие мастера, Лесков, например, - и тут же добавлял, - и его травят, грызут. Думаете, статья в «Правде» – щелчок по носу? Обухом по голове! Бубновый туз на фуфайку! Теперь ни одно издательство не посмеет выпустить его книгу».

Речь шла о повести «Семеро в одном доме», напечатанной в журнале «Новый мир» в 1965 году. Название придумал Твардовский. Сегодня уже трудно представить, какой резонанс вызывали в то время многие «новомирские» публикации в обществе.

Как вспоминает Николай Скрёбов, успех этой повести у читателей превзошёл все ожидания не только сторонников писателя, но, кажется, и его самого.

Это был настоящий прорыв на следующий этаж современной литературы. Хотя речь шла о самой что ни на есть обычной жизни обычных людей на окраине городе.

Сёмин – из немногих публиковавшихся в то время литераторов, кто попытался честно изобразить противостояние реального простого человека – и государства, совершенно равнодушного к его насущным нуждам.

Особенный восторг вызывал образ Мули.

Муля (от – мамуля), человек очень сложного характера и трудной доли. Муля – это отчуждённость от государственной жизни, пусть неосознанный, но протест против бюрократизма и бесчеловечности.

Но это – и самоотверженная душа, отзывающаяся на беды других людей. И неважно – собственные то её родственники или чужие люди – в лихолетье она (сама еле-еле сводя концы с концами) приютила у себя женщину с детьми.

И главное, энергия Мули – несмотря на её неуживчивый нрав и резкость – поддерживает других!

Повесть стала литературным событием. Вызвала оживлённую дискуссию.

И критику за *«односторонность и узость изображения»* жизни. Передовица «Правды» представила автора очернителем советской действительности – публицист Юрий Лукин обвинял его в отсутствии связи мира окраины с большим миром.

Голос «Правды» оспариванию не подлежал.

В «Новом мире» развалили набор очередного романа (это и был «Нагрудный знак»), хотя часть гонорара выплатили.

Но антиреклама всегда лучше просто рекламы. По известной традиции – Лукин сразу же сделал популярным как самого Сёмина, так и его сочинение.

Позднее новомирцы с улыбкой рассказывали, что номера журнала с повестью долго лежали в киосках – имя автора ничего не говорило читателю. Но стоило появиться той статье – и всё как ветром сдуло!

Эту повесть вскоре перевели на несколько европейских языков. У нас же на выпуск отдельным изданием решился лишь Таллин – на эстонском.

«Что не писали бы о повести Сёмина, - говорил Анатолий Калинин на собрании ростовских писате-

лей (задачей которого было эту повесть разгромить),
- *Муля – из тех русских женщин, которые не продадут и не предадут».*

Однако высочайшая оценка читателей и единомышленников в писательской среде, увы, не могла открыть Сёмину двери редакций и издательств почти десять лет.

И не только это. Наш поэт Эдуард Барсуков вспоминал, как в Ростове не допустили встречи двух Валентинов: Сёмина и Распутина.

Началась полоса, как рассказывала жена писателя Виктория Николаевна Сёмина-Кононыхина, почти полного непечатания, годы нищеты. Жить попросту стало не на что. Некоторое время они тянули на учительскую зарплату Виктории, потом друзья-новомирцы стали присылать ему рукописи на рецензирование.

Была тогда такая халтура – ничего не печаталось в СССР, не пройдя сквозь внутреннее рецензирование, на самом деле – жёсткую цензуру.

Сёмин делал эту – крайне непрестижную среди литераторов – работу с той же степенью ответственности, как и писал свои книги. Он умудрился создать нечто удивительное.

Его рецензии стали доскональнейшими разборами творений всевозможных авторов, намного превышающими художественный и культурный уровень этих самих творений – в основном графоманских. Но даже такие, не имеющие особой ценности произведения, рецензент умел преподнести как явление социальное, отражающее жизнь с её потерями и обретениями.

Потом рецензии вышли отдельной книгой и, по общему мнению, стали чуть ли не самой значительной частью его литературного наследия.

Сегодня повесть «Семеро в одном доме» признаётся как одна из лучших наряду с произведениями «городской прозы» Юрия Трифонова, Андрея Битова, Булата Окуджавы.

Но именно в эти труднейшие годы рождается лучший роман писателя – «Нагрудный знак OST». Это роман-исследование того, на что способен человек, попадающий в нечеловеческие условия; а также о том, что помогает ему выстоять.

Иначе и быть не может, потому что, по Сёмину, если литература – не исследование, то ею просто не стоит заниматься.

Но любимый «Новый мир» два года отказывался печатать роман, и в 1976 году явил его миру другой журнал – «Дружба народов».

Потом «Нагрудный знак...» издали в Чехословакии и в обеих Германиях.

И из ФРГ прислали вызов погостить и оплатили дорогу. О самом приглашении автору долго не сообщали: коллегам из ростовской организации Союза писателей СССР всё как-то было не до того.

Наконец, в сопровождении кэгебешника в качестве переводчика (который, вообще-то, для бывшего узника немецкого лагеря – без надобности) Виталий Николаевич отправился в гнездо капитализма.

Вернулся – возбуждённый, после долгого перерыва вновь курящий, счастливый и несчастный одновременно.

Нанесла Германия второй удар: побеждённые-то, оказывается, живут гораздо лучше победителей. Всё сверкает, изобилие продуктов и товаров полное, на улицах стоят машины с ключами в замках, на сиденьях небрежно оставленные дублёнки, кейсы, фотоаппараты.

Сам он забыл в такси перчатки, так ведь таксист их в отель привёз; а так как постояльцы успели уже отбыть в другой город, эти перчатки тем не менее поехали за владельцем следом и нашли-таки его!

«Как и тридцать лет тому назад, почувствовал я себя страшно униженным – всё тот же раб из рабской страны!»

Сёмин попросился посетить знакомые места – отвезли: да, вот они – те самые литейные мастерские, где подростком таскал он тяжеленные горшки с жидким металлом.

В памяти ожило всё до последней чёточки. Его вели по заводу, а он заранее указывал, какой впереди поворот, сколько дверей в этом коридоре слева, а сколько справа, какие станки стояли в цехах: *«Вот тут было другое здание, отсюда исчезла лестница»*.

И сын того – военных времён – хозяина, подтверждал, что да, при папе было по-другому.

12 июня Россия будет отмечать не только свой очередной национальный праздник, но и 85-летие со

дня рождения замечательного русского писателя, ростовчанина Виталия Николаевича Сёмина.

В третьем тысячелетии уже приходится объяснять, что значит это имя для российской литературы, ибо даже для многих донских студентов-филологов оно незнакомо.

Вот на страницах нашей книги мы и стараемся рассказать, какое влияние оказывал на окружающих самим фактом своего существования этот обычный и необычный (по тем временам) человек. Жизнь его, полная лишений и страданий, упорного служения выбранной цели, и началась – с желания стать писателем.

Родившись в 1927 году, на фронт он, понятно, попасть не мог по малым летам. Но и этих совсем малых лет вполне хватило для угона в Германию.

Борис Можаяев, вспоминая Сёмина, отмечал: *«У него было страдание памяти. Но он знал непреложную истину: нельзя воскрешать в памяти страдания народа, не пережив их самому, не переболев сердцем и душой».*

Вот почему все его произведения автобиографичны и порой при отсутствии видимой остроты сюжета так захватывают сердце и душу читателя. Страдания не только волнуют, не только угнетают, но и очищают нас, рождают надежду на торжество в конечном итоге справедливости и добра».

Предоставим слово ему самому: почти всё пережитое отражено в его книгах.

Вот три отрывка из произведений писателя Виталия Сёмина. Они разные. Но каждый – по-своему – как кровавая рана.

Первый.

«Сейчас, через столько лет после войны, голод можно представить как сильное желание есть, как физическое недомогание.

Однако голод – нечто другое. Он не только меняет дыхание, частоту пульса, вес и силу мышц, он обесцвечивает ощущения и сами мысли, не отступает и во сне, изменяет направление мыслей. И, может быть, самое страшное – меняет ваши представления о самом себе. И уж совсем особое дело – голодание многих людей, запертых в одном месте.

Когда голод достигает степени истощения, у него появляется горячечный, карболовый, тифозный запах, которым невозможно дышать. У голода послабее – пресный гриппозный запах, изменяющий вкус хлеба и табака...

Это бесшумный и непрерывный метод полицейского давления, и, может быть, поэтому главное – не показать, как ты голоден. Не сразу я, конечно, понял, что дело не только в сохранении лица. Кто сохраняет чувство собственного достоинства, берегает по каким-то важным жизненным законам и больше шансов на жизнь».

Второй.

«На руке его была синяя татуировка – четырёхзначный концлагерный номер. В концлагерь он попал за побег из лагеря военнопленных.

- Два треугольника носил, - сказал он, - на груди и спине. До сих пор в этих местах притронуться больно.

- Почему? - спрашивал я.

- Треугольники – мишень. Чтоб стрелять в тебя было удобней. Всё время их чувствуешь. Кожу обжигает.

- Чем? - не понимал я.

- Ну, ожиданием, - говорил он. - Ждёшь все время. Казнили в концлагере почти каждый день».

И третий.

«Мне предложили аспирантуру.

- Мы подумали, кому, - сказал мне перед зимней сессией декан, - и решили: тебе. Хоть ты и был не очень дисциплинированным и лекции пропускал. Но если подумать, то только тебе.

- Григорий Никитич, - сказал я, горько радуясь (поди ж ты, бывает такое!).- Мне в аспирантуру нельзя. Я был в Германии.

- Как в Германии? - побледнел декан. - Ты же в то время был мальчишкой!

- Вот мальчишкой и угнали.

- Но в документах у тебя ничего этого нет!

- Не написал, побоялся, что в институт не примут.

- И долго ты там пробыл?

- Три года.

- Три года? - растерянно развел руками Григорий Никитич, как будто бы «три года» всё и решали. Он никак не смог сдвинуться с места».

Про это и напишет он свой «Нагрудный знак OST».

- Я три года умирал в Германии, мне всё это очень знакомо. Пройдут годы, и правда без сомнения об-

народуется. А сейчас нет, начальство не пропускает. Я пробовал. Похвалили. Только это, говорят, нашим людям не надо, - примерно так рассказывал он пол-века назад. - Меня после освобождения отыскал в американском секторе отец и при всеобщей неразберихе сумел отправить домой. Повезло. А ребята, которые со мной были, попали кто в лагеря, кто в солдаты, самые умные в СССР не вернулись. Но я бы вернулся на любых условиях.

А вот что рассказывала Виктория Николаевна:

- Дело было ещё и в том, что я всё-таки чувствовала себя «своей» среди тысяч себе подобных, тех, кому так же трудно, как мне.

Нищета? – Да весь мой окраинный «город-сад» – сплошная нищета.

Сиротство? – Миллионы таких, у кого отцы погибли.

Работа в глухих степях? – Да мои ученики-десятиклассники паровоза ни разу не видели, не видели здания выше двухэтажного и не знают вкуса мороженого.

Бесквартирье? – Смешно.

А вот он стал «не своим» с детства. Так уж сложилось. В своей семье был немного лишним. Родители разошлись, а мама очень любила нового мужа. Соседи рассказывали, что вечерами, когда уже все дети с родителями пили чай, Виталик частенько допоздна оставался в подъезде – мама с отчимом всё ещё либо в кино, либо в гостях.

А потом – в 15 лет – немецкая фабрика Бёргишес Магишес Айзенверк, где он надрывался в литейном

цеху. Где кормили тростниковой баландой, где злоба, где насилие.

Угнали ведь – по сути – ребёнка, ещё ничего не понявшего о мире.

Вернулся домой – опасный и злоумышленный. Скрывал своё пребывание на каторге. А потом ещё и на родине каждый жизненный шаг давался ему невероятным трудом.

Началось всё с идиотской «Академии париков».

Название безобидного самостоятельного студенческого кружка родилось по аналогии со старой французской «Академией надписей».

По воспоминаниям одного из бывших друзей по «академическому» несчастью, ныне – доктора наук Николая Горбанёва, от нечего делать студенты 4-го курса филфака Ростовского пединститута на нудных лекциях дурачились, рисовали карикатуры, учреждали весёлые премии. Словом, вели себя, как и должны вести настоящие студенты.

Нарисовали и на самого трудолюбивого студента, сталинского стипендиата.

Что и было поставлено им в вину. Кто-то углядел в этом политический смысл.

Разборки были долгими и шумными. Об антисоветской группе Ростовского пединститута говорили во всех вузах.

7 января 1953 года всех «академиков» вызвали в партком института поодиночке для дачи показаний. Старшим был Виталик. Стремительность, с которым дело было закончено, объясняется фоном: почти параллельно разворачивалось «дело врачей».

Студентам вменялись в вину аморальность и антипатриотичность. Уже потом добавились *«финансирование из фондов Рокфеллера»* и *«оргии, на которых были женщины в мехах»*.

Сегодня подобные обвинения могут вызвать лишь удивлённую улыбку, а тогда для большинства «академиков» это закончилось исключением из комсомола, а для Виталия – как тайного организатора и вдохновителя – ещё и исключением из института.

Вскоре после смерти Сталина «дело» как бы испарилось. Но Сёмину пришлось уехать на строительство Куйбышевской ГЭС. Точнее сбежать – работы не было, а компетентные органы – настойчиво предлагали сотрудничать.

Там, на стройке, он и начал писать свои первые рассказы.

Хотя – ну какой из него *«тайный организатор и вдохновитель»*?

Он был глотателем книг. В институте его ругали за «ложный академизм»: пропускает лекции. А сотрудники научной библиотеки вспоминали: *«Да это же завсегда! Он с утра до вечера торчал в читальном зале»*.

Потом довелось Сёмину поучительствовать в далёком донском селе под названием Большое Ремонтное, потом – возвращение в Ростов и работа в редакции только что появившегося «Вечернего Ростова».

Слово Виктории Николаевне – о первых впечатлениях:

- У парня была буйная вьющаяся шевелюра и выгоревшие до абсолютной белизны брови... Я подумала, что ему очень не хочется ехать в степь, за 18 километров от районного центра; к самому-то этому центру от железной дороги было 120 километров по грунтовке; осенью и весной, в распутицу, выехать к станции было невозможно.

...Ухаживания в обычном смысле не было. Он вообще этого не понимал – ухаживания. И потом часто удивлял меня своим пренебрежением к обычным вежливым манерам в отношениях с женщинами.

Виктория Николаевна рассказывала, что её будущий супруг был замечательно прост, непринуждённо весел. Рассказывал ей анекдоты, смешные и страшные истории из лодочных походов, читал наизусть множество стихов: Бёрнса, Шекспира, Багрицкого, ростовских поэтов.

Пленял живой, точной, выразительной речью – то был уровень очень высокой интеллигентности, не всегда не встречающийся и в Ростове. Как-то поведал, что из литературных персонажей очень нравится Полоний – уж больно хорошие советы даёт сыну: *«Всего превыше верен будь себе»*.

Но таким Виталик был со своей Викой.

Вообще же, окружающие признавали, что у Сёмина присутствовал какой-то ореол отъединённости. Его нельзя было представить на групповом фотоснимке и уж, подавно, в уличной ростовской толпе. Критик Андрей Макаров – ещё несколько лет назад – отметил: *«Он поразительно одинок»*.

А сам Виталий Николаевич признавался: *«К людям тянет, временами просто невозможно без таких, ко-*

торые не ты сам. В то же время долгое пребывание в переполненном страстями обществе утомляет до того, что идеальным кажется затворничество в пещере».

Ему разрешили наконец сдать экзамены за пединститут – но только в Таганроге. Экзаменуемый был совершенно спокоен, в электричке читал что-то постороннее.

По всем предметам получил пятёрки. И ноль эмоций, будто и не было экзаменов.

Николай Горбанёв признался как-то, что *«в жизни не встречал человека, от которого исходило бы такое физическое ощущение ума... как чего-то высшего и абсолютно бесспорного».*

Но такой умный – муж Вики Сёминой – был абсолютно не бытовой человек.

- Встречает он, например, на улице. В руках у меня сумка с обувью: катастрофа, всё развалилось, нужно срочно починить.

«Заяц (Заяц – это я), - говорил он, - ну его к черту с этой обувью! Потом! У меня настроение поганое. Пойдём в кинушку».

Или – грядёт суровая зима, нужно позаботиться об угле. Но Виталий целыми днями возится со своими рукописями и считает, что тепло – это забота тёщи.

Естественно, зять тёще не приглянулся. *«Нет мужика в доме»* – эта фраза стала дежурной.

Работу он искал, но без особого энтузиазма. Главное ведь, чтобы была утренняя свобода – возможность сидеть за печатной машинкой.

Эту списанную машинку принесла с работы мать, и родители проверяли, сколько написано за день.

Но вот в июне 1958 года писатель Владимир Дмитриевич Фоменко порекомендовал Виталия редактору «Вечернего Ростова».

Но просто так ничего нельзя. Сначала надо пройти собеседование с партийным работником высокого ранга.

- *Где вы сейчас работаете?*

- *На 114 заводе, что на Северном.*

- *А как правильно называется этот район?*

- *Затрудняюсь...*

Партийный товарищ сказал, что человек, который не знает названий городских районов, в городской газете работать не должен (может, и правильно?). Потом вдруг вспомнил:

- *Фамилия ваша мне знакома...*

Всплыла институтская история. Собеседование на этом закончилось.

Как удалось всё-таки Семину попасть в газету – не известно. Но удалось.

Вот «Вечёрка» и публиковала семинские рассказы и очерки. Потом он их соберёт в книгу «Шторм на Цимле». Критики отмечали *«не только новизну коллизий, но и авторское умение сочетать точное изображение бытовых явлений с мыслительной работой героя»*.

«Мы знали, - пишет в своих воспоминаниях Владимир Семёнович Моложавенко, - что он тогда работал не только на газету, но и писал рассказы, повести, понимали, что это одарённый человек.

Но, отдавая должное его уму и таланту, мы ещё не понимали, что рядом с нами живёт и работает тот, кто станет самым ярким писателем на Дону».

А младший собрат по перу Даниил Данин отозвался так: «Сёмин уже много лет был одним из самых читаемых и почитаемых новомирцев «твардовского» призыва (если можно так выразиться), да и независимо от «Нового мира» уже прочно вошёл в разряд непреклонно-честных и надёжно-правдивых наших писателей – отряд немногочисленный...

Он был полпред ростовской литературы на всесоюзной арене, единственный, чьё имя в разговоре сразу называли знакомые москвичи и ленинградцы».

А тот – очень гордился, что вошёл в круг «Нового мира» и что в гостях у него побывал сам Солженицын.

- Писательство – крест тяжкий. Писатель должен быть человеком мужественным. Литература – это только то, что на «отлично», остальное не литература – макулатура. Это как жизнь и смерть: или ты живой, или мёртвый. Среднего нет.

В 1963 Сёмин написал повесть «Ласточка-звёздочка».

«В ней – самое лёгкое и светлое в жизни и начало самого страшного», - так отозвался критик Игорь Дедков.

А своего рода промежуточным звеном между военной прозой и художественно-документальными произведениями конца 70-х – начала 80-х и стал роман Сёмина «Нагрудный знак «ОСТ».

Повествование ведётся от лица 15-летнего подростка. Ведётся просто, сдержанно, почти бесстрастно. Но бесстрастность эта мнимая – под ней раскалённая лава боли, постоянно ощущаемая читателем. Герою не по силам работа, которую заставляют его выполнять нацисты. Вообще всё случившееся – война, отправка в Германию, фашистский застенок – для него как наваждение. Он не может поверить в эту страшную реальность, смириться с ней.

- Одно из самых ярких первых впечатлений в Германии: нас гонят по улице небольшого рурского городка, - рассказывал Виталий Николаевич, - Только что мы носили мебель в какое-то здание, и полицейские, сопровождающие нас, даже довольны нами.

По тротуару идут две нарядные молодые женщины с нарядными детьми. Дети кидают в нас камни, и я жду, когда женщины или полицейские остановят их.

Но ни полицейские, ни женщины не говорят детям ни слова.

И Сёмин говорит, что только близкая память о доме, о материнской ласке, о заботе и тепле родных, о книгах(!) противостоит жестокой реальности арбайт-лагеря – унижениям, побоям, рабскому труду, деградации.

Из этой страшной жизненной школы герой выносит много уроков, и один из главных среди них – «что только безграничная добровольная доброта удержала его на таком краю, где, казалось, самой доброте и самоотверженности не на что опереться».

И ещё – потребность рассказать об увиденном и пережитом.

Среди главных проблем романа – вопрос о «государственной злобе», о природе фашизма. Появляется в «Нагрудном знаке» и изображение блатного мира, который так же ненавистен писателю, как и его герою. То есть, зачатки фашизма существуют везде, где есть место национализму, бездуховности, презрению к личности.

Культ силы и безжалостности – вот что сближает, по мнению Сёмина, блатных и фашистов.

Центральная тема неоконченного романа «Плотина», продолжения «Нагрудного знака», – сопротивление. Сопротивление не только обстоятельствам, но и тому состоянию души, с которым герой выходит из заключения.

Обжигающая его душу ненависть в первые же дни после освобождения рвётся выплеснуться в мщении.

Герой с трудом преодолевает порыв выстрелить в беззащитного немца.

Ведь только неуступчивость страху и жестокости сможет сохранить человеческую сущность. Ведь только от самого человека зависит, какими будут истинная мера жизни и её высший смысл.

Его романы приняли.

Положительные рецензии, статьи и – наконец – деньги обрушились на Виталия Николаевича.

Его пригласили на телевидение – редактором литературно-драматических передач.

Но купался во всём этом он недолго – надорванное сердце не выдержало.

Оказалось, что последнему его инфаркту предшествовали ещё несколько – он перенёс их на ногах. Только первый инфаркт (кажется, в тридцать шесть)

удивил и напугал, а потом он, видимо, научился не думать о боли.

- За 30 лет, прошедшие после войны, я много раз пытался рассказать о своих главнейших жизненных переживаниях, - делился Сёмин. - Но только обжигался. А что можно рассказать криком! Слух послевоенного человека уже не настроен на крик. Живая память сопротивляется насилью, может быть, больше, чем человек. Нельзя изменить память, не рассекая сосуды. Но чем дальше прошлое, тем короче в нём время, тем легче в этом коротком времени самые страшные несчастья.

...То, во что вложено уж не так много души, издаётся, и хорошими тиражами, кормит, - с горечью констатировал он, - а другое, настоящее, - и разводил руками.

Отдушиной был спорт. Он любил, кажется, все возможные игры и виды спорта, однако доступны были велосипед, бег, байдарка, теннис.

При больном сердце такие нагрузки, конечно, не к чему. А он злоупотреблял, выжимал тяжести, бегал, отправлялся в многокилометровые прогулки на байдарке по Дону.

Очень хотелось быть сильным, лёгким, красивым, а главное, хоть на время отключиться, забыть о нашей подлейшей действительности.

В дни разгона «Нового мира» Александра Твардовского, горя о судьбах литературы, Юрий Домбровский писал Виталию Сёмину: *«Я в тебя очень верю.*

Твои вещи сильно закручены в некие неподвижные пружины, но они взрываются в конце и бьют наотмашь. Этого у нас никто не умеет. Вот поэтому тебе при всех твоих физических качествах – тяжело работать. Безумно тяжело, трудно, беспокойно (неуютно) писать такие вещи – но нужны они очень, очень: это совершенно честно и искренне».

И в конце нашего небольшого рассказа об этом донском авторе разрешите привести несколько фраз из его записных книжек.

- Жил мыслями. Каждая приходила с потрясающей силой (даже глупая).

- Непоследовательность – это хорошо. Это значит, что человек побывал в разных состояниях и из этих разных состояний увидел и оценил себя и других.

- Не идёшь на компромиссы – значит вынуждаешь к ним других. Как долго тебе это удаётся?

- Дурак, и мысли твои на побегушках у других людей.

- Человек, который смеётся над всем, неспособен к поступкам.

И осталась на последнем, заправленном в пишущую машинку, листе последняя фраза, написанная Виталием Семинным: *«Начинаем любовью к жизни, а кончаем любовью к смерти».*

*

БЕЗ СТРАХА ВЫСОТЫ

*Я не вру сознательно.
Больше того, когда пишу, верю,
что честно пишу и правдиво.
А вот перечитаю, и стыдно.*

Павел Шестаков

Разные дела приходится распутывать следователю Игорю Мазину.

Происходит непонятное убийство нелюдимого и мало кому известного старика. Есть версии, много версий, но правда – проявляется так уж неожиданно!

Снова и снова подтверждая, что войны далеко не всегда заканчиваются с последним выстрелом из орудий.

В 1974 году издательство «Молодая гвардия» в своей серии «Подвиг» выпустило роман «Страх высоты», о котором критик Борис Воробьёв, представляя автора, писал: *«Под пером писателя процесс моральной и физической гибели человека, поражённого крайним индивидуализмом, вырастает в нравственную проблему чрезвычайного значения и актуальности».*

Этот роман давно известен ценителям острого сюжета, ведь по нему снят весьма популярный одноимённый фильм. В главных ролях – блистательные Анатолий Папанов, Ирина Мирошниченко, Андрей Мягков.

Другой роман – «Взрыв» рассказывает о событиях Великой Отечественной войны, которые отозвались в днях сегодняшних, в судьбах современных людей.

Снимается кино о подпольном движении. Режиссёр пытается воссоздать события 30-летней давности. В сценарии есть всё – и предательство, и мужество героев, и самопожертвование.

Волею случая на месте съёмок оказывается свидетель тех давних событий. И судьба приготовила для него очень неожиданные встречи.

В романе есть всё, сопутствующее детективу: и динамика, и острота ситуации. И, тем не менее, «Взрыв» можно назвать романом-размышлением.

Это честная книга о том, как трудно быть Штирлицем.

Журналист Александр Масалов рассказывал, что сначала Павлу Александровичу необходимо было получить визу – благоволение КГБ. Только после этого роман мог увидеть свет.

«Донским чекистам «Взрыв» понравился.

Шестаков визу получил и, немного помявшись, решил спросить у чекиста, который с ним возился:

- У меня в романе наш человек, засланный в гестапо для ответственного задания, принимал участие в расстреле одной подпольщицы. Он пытался её спасти, но не смог и потом всю жизнь корил себя...

А как на его месте повёл бы себя настоящий профессионал?

Чекист – был он в звании подполковника – усмехнулся и ответил:

- Его внедрили в гестапо для выполнения ответственного задания. Пытаясь спасти эту девушку, он был близок к провалу. Его задание имело большее значение для страны, чем жизнь этой рядовой подпольщицы. Поэтому он не имел право устраивать какие-либо активные действия, чтобы спасти её...

Шестакова словно облили холодной водой. Он поблагодарил за консультацию, взял папку с рукописью и ушёл.

А в целом донские чекисты ему понравились – милые такие, тихие, вдумчивые».

За этот роман в 1981 году Павел Шестаков получил премию Союза писателей РСФСР и производственного объединения Уралмаш – серебряную медаль имени разведчика Николая Кузнецова.

Книга эта в чём-то автобиографична. Да, собственно, и остальные – тоже. Так, или иначе, но все сюжеты Шестакова обязательно связаны с той войной.

Павлику было девять лет, когда – отбивая нападение гитлеровцев, в 41-м – погиб под Ростовом его отец.

А в июне 2000 года не стало Павла Александровича. Однако в квартире, что в центре Ростова – где жил писатель, и где живут его вдова Людмила Алексеевна, в прошлом сотрудник Ростовского областного музея краеведения и дочь Татьяна, кандидат физико-математических наук, доцент Южного федерального университета – по-прежнему всюду ощущается его незримое присутствие.

Кабинет писателя; полка, на которой аккуратно строим выставлены его книги, переведённые на многие языки мира; фотографии.

И любимая зелёная лампа – свидетельница яростных мук творчества.

Павел Александрович Шестаков окончил исторический факультет Ростовского госуниверситета. Первый свой роман «Через лабиринт», написанный в детективном жанре, отдал журналу «Урал». Это 66-й год.

Роман рассказал о разоблачении скрывающегося военного преступника. И уже этот, самый первый роман, отличало то, что лежит обычно за пределами «чистого» детектива – помимо внешнего интереса, связанного с обстоятельствами убийства, внимание привлекало и другое: характеры героев были очень неординарны.

Потом – в «толстых» журналах и отдельными книгами – вышли другие его произведения: «Страх высоты», «Игра против всех», «Давняя история», «Репорт инспектора», «Самозванец», «Остановка».

Некоторые из них были конкретно детективными.

В других, с не менее запутанной интригой и расследованием, писатель обращался к психологическому исследованию человеческой сущности. В третьих – к загадкам русской истории.

Читателям были интересны все. Наверное, потому, что – в отличие от новейших изделий остросюжетного жанра – нравственный момент был естественной основой книг Павла Шестакова.

И очень скоро советские литературные критики (которые, как известно, были куда более зубастые и непримиримые к любой литературной халтуре, чем нынешние) единогласно признали в нём «одного из основателей российского психологического детектива» и отмечали, что «авторский интерес к жизни выражается в психологизме и постановке непростых нравственных проблем».

В прессе тех лет отмечался огромный опыт писателя, большой временной диапазон его произведений, многообразие проходящих перед читателем персонажей. И особенно подчёркивалась точность индивидуальной речевой характеристики каждого из них.

А кроме своих романов, Шестаков запомнился читателям конца прошлого века яркими выступлениями на актуальные общественные темы и своими эссе о писателях Дона.

Походил ли Павел Александрович в жизни на героев своих детективных романов? К примеру, на того же Мазина?

- В чём-то корневом, бесспорно, да, - отвечает Людмила Алексеевна Шестакова. - Он был историком, мыслителем. Детективный жанр привлекал его скорее как возможность взглянуть в человека, попытаться понять, почему он действует так или иначе в той или иной ситуации.

Он не был публичным человеком, не любил громких заявлений, но жил, что называется «без страха высоты».

Хотя один из самых громких его романов, на сюжет которого режиссёр Александр Сурин снял фильм, так и назывался «Страх высоты»..

Будущий писатель родился 21 марта 1932 года здесь, в Ростове. И почти всю жизнь провёл в Донской столице.

И поэтому в большинстве произведений легко угадывается город, в котором он жил.

Очень красочно опишет потом – уже известным писателем – Павел Александрович самое начало собственного бытия. А нам эти записки интересны ещё и как взгляд на наш город из того, далёкого довоенного времени:

«Меня везли на извозчике. Шла вторая неделя моей жизни, начинался апрель, рессоры пружинили, подбрасывая экипаж на неровном булыжнике, недавно освободившемся от грязного талого снега, и чёрные акации в два ряда тянулись между мостовой и домами.

В этих запущенных, в основном в один-два этажа домах до революции жили купцы, чиновники, а теперь люди самые разные, получившие ордера на комнаты и квартирки в некогда частных, принадлежавших эксплуататорам зданиях.

Впрочем, кое-что частное ещё существовало, в том числе и клиника, где я появился на свет в вечерний час, когда день сменялся одинаковой по времени ночью.

Клиника принадлежала известному в городе акушеру Гринбергу, и день весеннего равноденствия выдался там тяжёлым.

Гринберг прямо спрашивал у отца, ждавшего в приёмной, кого спасать – мать или ребёнка, и мать в полубеспамятстве якобы слышала этот разговор и по-

вторяла непрерывно: спасите ребёнка... спасите ребёнка...

Меня долго окунали в вёдра с горячей и холодной водой поочередно, пока я не пискнул, и тогда измученный Гринберг поднял ребёнка над головой и воскликнул радостно: «Красавец мальчишка!»

Что, разумеется, не было правдой, но мать услышала и, счастливая, потеряла сознание, а я до сих пор не знаю, благодарить ли мне Гринберга.

Обо всём этом я, конечно, не знал, выглядывая из ватной упаковки, когда ехал на извозчике по Тургеневской. А впрочем, может быть, ещё Сенной. Вообще-то улица эта Тургеневской называлась изначально, но в конце века на ней построили замечательный для своего времени публичный дом, который приобрёл в городе заслуженную известность.

Многие уважаемые люди захаживали сюда и потом оживлённо обменивались острыми впечатлениями, полученными «у Тургенева».

Подобное опозление имени писателя, воспевавшего чистую любовь, вызвало законное возмущение газеты «Южная волна», и она резко поставила вопрос о надругательстве над памятью.

Городским властям пришлось принять меры, и улицу переименовали в безликую Сенную, благо в дальнем её краю начинался пойменный луг, где обыватели косили сено для домашней живности.

Так Сенная и просуществовала до конца 20-х годов, когда позорное прошлое дома с амурами на

фронто́не забылось, и в бывших номерах поселились служащие дорпрофсожа.

Доброе имя классика было восстановлено, но жители, теперь уже по привычке, часто вместо Тургеневской говорили Сенная, и когда я подрос, то не раз слышал это слово, ушло оно из обихода только после войны, тогда же покрылась забвением история переименования улицы, хотя знаменитый дом (ввиду своей особой прочности и перенаселённости) просуществовал гораздо дольше.

Его даже хотели причислить к памятникам архитектуры, вопреки непристойному возникновению, однако в конце концов снесли, уже в конце 70-х годов, и поставили на его месте 16-этажную кооперативную башню с красивым названием «Изумруд», в котором живут в основном торговые работники.

Но наша квартира была не в особняке, а бывшем доходном доме в три этажа с жилым подвалом. Дом образовывал замкнутый квадрат с двором-колодцем, в который мы и въехали через арку-проезд.

Отсюда меня и понесли по железной наружной лестнице на третий этаж».

Потом будут другие дома и другие улицы, но – в Ростове.

Лишь недолгое время поработал молодой историк учителем в небольшом украинском городке Первомайка. Об этом времени потом – очень лирично – он расскажет в повести «Дождь-городок».

Потрудился Шестаков и в Областном музее краеведения – научным сотрудником. Заместитель директора Музея Ольга Литвиненко признается позднее, что пришла работать сюда после окончания пединститута, прочитав один из его романов – действие разворачивалось на фоне полной приключений (как ей тогда казалось) ростовской музейной жизни.

И 12 лет был Павел Александрович собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Дону и Северному Кавказу.

Сотрудники «Литературки» уважали его за великую ответственность и тщательность, с которыми он исполнял своё дело. Сами они эти свои чувства называли *«любовью и дружбой»*.

Журналисты рассказывали, что Павел Александрович *«был удивительно интересным человеком, широко образованным, интеллектуальным и интеллигентным. А на людей смотрел мягким взглядом, в котором замечательным образом соединялись доброта и ироничность»*.

В 1969 году Шестакову была вручена Почётная грамота МВД, а его литературная и общественная деятельность отмечены Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

В статье «Почему я пишу детективы» он решительно утверждал приоритет характера в детективной литературе:

«Я убеждён, что в детективе, как и в жизни, человек должен поступать в соответствии с логикой ха-

рактера, а не в угоду авторской схеме, как бы эффектно она ни выглядела».

Логика характера, считал Павел Александрович, обеспечивается в этом жанре – помимо таланта автора – точным знанием материала и обширным специальным опытом.

Наверное, сочетание всех этих компонентов и делает рассказы и повести Шестакова весьма и весьма привлекательными.

Вышло так, что после войны мама Павлика преподавала русский язык в школе при советском посольстве в Канаде. Там – в стране очень развитого капитализма – прошли отроческие годы будущего писателя.

Из тех лет он вынес несколько довольно ценных нравственных уроков.

К примеру, такой: лазили мальчишки по подвалам старых домов и обнаружили в одном целую гору пустых бутылок.

Оказалось, что бывшие жильцы (сотрудники скандинавского посольства) отказались от части зарплаты – тогда ведь полмира старалось для лозунга: *«Всё для фронта! Всё для победы!»*

И перешли скандинавы на дешёвую молочную кухню. Но, живя впроголодь, пустую тару не сдавали, дабы не уронить достоинства дипсотрудников.

Пример этого скромного патриотизма оставил заметный след в душе Павла. Он очень понимал тех людей. Потому просто, что сам был таким же скромным патриотом.

Но о внутреннем достоинстве не забывал никогда.

Вот отчего так сложно было ему принять вакханалию безнравственности и почти легализованной преступности, которые так пышно расцвели с начала 90-х прошлого века.

Очень нелегко было ему – историку по образованию – констатировать: *«История, видимо, не склонна покровительствовать тем, кто выходит на её сцену побуждаемый благом»*. Это роман «Самозванец».

А в романе «Клад», который Павел Шестаков завершил незадолго до своей смерти, мы снова встречаемся с героями, известными по его предыдущим произведениям.

Но Игорь Николаевич Мазин – теперь называется не следователь, а работник частного детективного агентства «Ариадна». Он выясняет причины нелепой гибели забредшего в чужой двор к колодцу бомжа; но голова его занята совсем другими мыслями – в постперестроечном пространстве всё другое: и жертвы, и причины уголовщины, и преступники.

И всё же...

Всё же, наверное, есть некая высшая сила, которая, пусть и в жестокой борьбе, но не даёт преступности одержать окончательную победу. Правда всё же – на стороне лучших. И примеры тому могут быть самые разные, часто – почти по Шестакову – детективного характера.

Квартира писателя – на последнем этаже обычной ростовской девятиэтажки. Несколько лет назад, воспользовавшись люком на крыше дома, к ним проникли воры.

Людмила Алексеевна вспоминает об этом эпизоде:
- Когда наш давний семейный друг Коля Скрёбов позвонил к нам на дачу и сообщил убитым голосом, что нас обворовали, первым делом я спросила: «Что с рукописями, медалями Паши?» - «Целы», - ответил он.

И мы с дочерью вздохнули с облегчением. Хотя и остались без зимних пальто, что при моей пенсии и зарплате дочери – доцента физфака, потерей оказалось существенной. Но самое для нас дорогое – воры всё же не взяли».

«Вот такая вот история случилась, - пишет критик Елена Джичоева, - жаль, что не нашлось в реальной жизни благородного и умного сыщика Мазина, который сумел бы раскрыть её, дать оценку не только криминальную, но и нравственную. Как и некому сегодня писать умные детективные романы о талантливых сыщиках.

Но... может можно (и нужно!) переиздать уже написанное?»

А сам Шестаков, как и многие его собратья по перу, нередко занимался самоедством:

«Я ординарный член союза писателей, которого в лучшем случае издадут пару раз после смерти в порядке официальной благопристойности и забудут в очередном поколении».

Ошиблись оба – и Джичоева, и Шестаков.

Детективные романы донского автора переиздают и сегодня, в начале третьего тысячелетия.

И в Ростове, и в Москве, и за рубежом.

И, заканчивая наш рассказ о Павле Александровиче Шестакове, разрешите, Уважаемый Читатель, привести ещё несколько цитат.

В архиве писателя сохранились фрагменты рукописи. Это размышления о времени, о прожитой жизни; перемежаются они с конкретными эпизодами, запечатлёнными детской памятью.

Выше мы уже цитировали эти фрагменты.

Вот ещё.

«Ведь если считается, что мы сами кузнецы своего счастья, то уж бед-то – наверняка. Счастье-то штука хрупкая, а молот кузнечный тяжёлый. Им с умом размахивать нужно, а ум редкость, хоть на недостаток его никто не жалуется. Так уж устроены».

«Каждый по десятку дураков лично знает, а намекни на самого, обидится. «Я-то не дурак!»

Да что дураки! Даже смертными себя не сознаём. То есть осведомлены, и в книжках читали, и самим случалось слышать, как последний гвоздь в крышку вколачивают, а себя под крышкой представить не можем...

Ничего плохого в этом, конечно, нет. Напротив, великая сила жизни... Ну что бы с нами было, если бы этот последний стук вечным колоколом в ушах звенел? Руки бы с молотом опустились.

Вот мудрые силы, нас – не то из глины, не то из обезьян – создавшие, и отрегулировали генетические цепочки, чтобы, правду не скрывая, сделать её недоступной нашему осознанию».

«Литература не делает людей лучшими, чем они есть.

Иначе как могло разразиться кровопролитнейшее из кровопролитий в так называемом цивилизованном мире после Толстого и Чехова?»

«Мне всегда стыдно встречаться с читателями. Я завидую фокусникам. Ведь если фокусник даже самого настоящего кролика за уши из цилиндра вытащит, все знают, что это фокус, иллюзия. Писатель же выдумку напишет, а люди её за правду жизни принимают, считают знатоком души человеческой. Стыдно.

Конечно, я не вру сознательно. Больше того, когда пишу, верю, что честно пишу и правдиво. А вот перчитаю, и стыдно».

«Раз уж природа – никому кроме сыщиков не нужный – рисунок на коже пальцев ни разу не повторила; если здоровое, способное спасти человека (но чужое) сердце – она отторгает; то, как же мысли – в подлинно бездонном мозгу возникающие – могут быть другим мозгом без помех и искажений полностью восприняты!

Да и не исследовал я эти глубины, а если откровенно, то и интересовался ими мало».

*

ПУТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНО ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ЦЕЛЬ

*Интеллигенцию надо
обязательно слушать,
но ни в коем случае нельзя
следовать её советам.*

Николай Оганесов

2 Ш + 2 Ч + ?..

Нет, нет, это – не часть уравнения с неизвестными. Это – начало открытого Ростовским музыкальным театром ряда мировых премьер.

«2 Ш» означает балет «Гамлет» – по мотивам трагедии драматурга Шекспира на музыку композитора Шостаковича.

«2 Ч» означает балет «Драма на охоте» – по мотивам повести писателя Чехова на музыку композитора Чайковского.

А понятие «мировая премьера» означает то, что таких балетов не существовало: их придумали в нашем театре.

По словам постановщика Алексея Николаевича Фадеечева, решение обратиться к творчеству Антона Павловича Чехова было predetermined в 2010 году юбилеем писателя.

«Драма на охоте» – это моё предложение, - говорит известный хореограф, - мне хотелось подобрать материал необычный, не использующийся никогда ранее в балетном искусстве.

Ведь по чеховским произведениям существуют всемирно известные балеты «Чайка», «Дама с собачкой», «Анюта».

«Драма на охоте» не имеет аналогов в балетном жанре».

Антон Павлович Чехов и Пётр Ильич Чайковский.

Они были довольно близко знакомы. Взаимное притяжение, симпатия, уважение к творчеству и личности друг друга, планы сотрудничества.

Чайковский предлагал Чехову написать либретто к опере, а Чехов в книге своих рассказов сделал дарственную надпись композитору: *«Петру Ильичу Чайковскому от будущего либреттиста А. Чехова»*. Всё это – реальные свидетельства общности интересов, душевной и творческой близости великих современников.

Ещё при жизни писателя критики отмечали очевидную музыкальность чеховской прозы и драматургии. А друзья рассказывали, что именно музыка Петра Ильича оказывала на Антона Павловича особенно глубокое воздействие.

Эти гении, разумеется, воспринимали мир по-разному. Но – при этом – были, несомненно, близкими, родственными душами.

Думается, только случайность помешала им реализовать совместные планы и замыслы.

И вот, спустя сто с лишним лет оба этих имени сошлись на одной театральной афише.

Либретто к спектаклю Ростовского музыкального театра по повести Антона Павловича Чехова на музыку Петра Ильича Чайковского написано.

Написано профессиональным прозаиком Николаем Сергеевичем Оганесовым.

Называется спектакль также – «Драма на охоте».

Сотрудничество Алексея Фадеечева с Николаем Оганесовым продолжается не первый год. Совместно ими созданы спектакли «Ромео и Джульетта» и тот же «Гамлет» – «2 Ш».

И вот теперь – Чехов.

Николай Сергеевич Оганесов родился 5 февраля 1947 года у нас, в Ростове-на-Дону, в семье адвоката.

Поработал фрезеровщиком, потом – пошёл по стопам отца и решился на более серьёзную должность – стал судебным секретарём Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа

В 1972 году Николай оканчивает юридический факультет Ростовского государственного университета. И тогда же выходит его первая повесть «Визит после полуночи».

Вроде бы о карьере профессионального писателя он тогда не думал, хотя и посылал рассказы в самый престижный советский журнал – «Новый мир».

Но уже в 1978 году в серии «Молодая проза Дона» Ростиздат выпускает его книгу – «Лицо в кадре».

Тогда, в конце 60-х, молодой автор очень увлекался англо-американскими модернистами – Джеймсом

Джойсом и Уильямом Фолкнером. И потому рассказы его были авангардистские.

Привязанность и уважение к творчеству этих авторов Оганесов сохранил и поныне. Но те свои рассказы – полувековой давности – сегодня, в начале третьего тысячелетия, всерьёз не принимает.

И публиковать их снова не намерен.

Зато сегодня Николай Сергеевич с особой теплотой вспоминает своего школьного преподавателя русского языка и литературы Ивана Семёновича. И ещё бывшего редактора Ростовского книжного издательства Владимира Безбожного.

Он называет этих людей своими учителями на литературной стезе – именно они привили привычку очень бережно относиться к каждому слову и даже к каждой запятой в тексте.

Супруга писателя рассказывала, что, работая над романом «Играем в Спринт», Оганесов написал 129 вариантов одной страницы! Всё было что-то не то, не устраивало автора – он очень нервничал.

Она потихоньку собрала эти, разбросанные по всей комнате листки. А потом подарила их мужу на день рождения.

Оганесов уважительно относится и к своим ростовским коллегам, работающим в жанре детективного и криминального романа. Павел Шестаков для него – навсегда старший товарищ. С Данилом Корецким – отношения дружественные, но не такие тесные, как были с Шестаковым.

А говорить о каком-либо «соцсоревновании» между тремя ростовскими детективщиками российского значения – нет смысла.

Это просто совершенно различные направления криминального жанра. Корецкий вообще утверждает, что пишет совсем не детективы, а милицейские и шпионские триллеры.

Но вот сам Николай Сергеевич очень не любит, когда его называют писателем-детективщиком. Степень навороченности сюжета его, собственно, никогда не занимала.

Оганесов считает, что главное для любого писателя – людские взаимоотношения. А криминальный сюжет лишь даёт великолепную возможность показать психологию людей в экстремальной ситуации.

Сборник «Писатели Дона» так характеризует его творчество: *«Стремясь наполнить детектив социальным содержанием, Николай Оганесов избрал главной темой своих книг исследование истоков зла, процесса становления личности».*

Несколько лет назад к переизданию готовились его повести и романы, написанные ещё в 80-х. Оганесов долго колебался – переделать ли ему некоторые произведения или оставить как есть.

Это сейчас у нас запретных тем нету: тот же Корецкий, к примеру, в своих романах запросто матерится!

А тогда цензура налагала на творчество писателя множество табу. И хорошо, что налагала – графоманства столько не разводилось. Но частенько случались запреты и откровенно нелепые. Даже просто тупые.

Так, например, запрещалось приписывать лейтенанту советской милиции интимные отношения – не с женой! Советский милиционер должен был быть идеалом во всём!

Ну, просто что-то ангелоподобное.

Можно подумать, в реальной жизни лейтенанты (полковники, генералы) советской милиции не изменяли своим супругам!

Или – по существовавшему циркуляру – нельзя было вводить в повествование ограбление инкассаторов. Как будто в действительности никто никогда не грабил инкассаторов – да про тех же ростовских Фантомасов – братьев Толстопятовых вся страна была в курсе!

Но бывало и так, что молодые люди, решившие избрать трудную профессию милиционера или следователя, ориентировались исключительно на какие-то идеальные образы, созданные мастерами детективного жанра.

А действительность выскакивала из-за украшенного бантиками угла и была обухом – и многие с ужасом бежали из органов.

Известны случаи, когда новоиспечённые правоведа (не в силах противостоять обрушившемуся негативу) кончали самоубийством.

В своих доперестроечных произведениях Оганесов ничего исправлять не стал – как есть, так есть. В конце-то концов, ну не такая уж большая разница между пятиmillionным ограблением инкассатора или полутысячным ограблением киоскерши из «Союзпечати»!

Ведь психологию и положительных, и отрицательных персонажей автор может выписать в любых построениях сюжета. Лишь бы жизненная коллизия была достаточно достоверной.

Хотя и это не обязательно. Вот фантастика, к примеру, – уж совсем не достоверна, а какие описываются страсти! Одни Стругацкие чего стоят.

Короче, всё зависит только от таланта.

Но к собственному творчеству Николай Сергеевич относится очень критически. *«Я не Лев Толстой и не Куприн, – говорит он. – Моя роль в литературе очень скромна».*

А после первой публикации прошло уже 40 лет.

Оганесов чувствует себя прекрасно.

За эти годы он сменил ещё несколько профессий. Поработал завсектором в райкоме комсомола, старшим юрисконсультom НИИ тяжёлого машиностроения.

С 1989 года по 95-й заведовал отделом в журнале «Дон», а с 95-го стал редактором частного издательства «Магр».

Оганесова много переводили. По мотивам его повести «Мальчик на качелях» Ленинградское телевидение сделало двухсерийный спектакль.

Был он членом Союза писателей и Союза журналистов СССР.

Дважды – в 1980 и 1984 годах – Николай Сергеевич становился лауреатом литературной премии журнала «Смена». А за большую работу по коммунистическому воспитанию молодёжи ЦК ВЛКСМ наградил его Почётной грамотой.

Шестаков – автор сценариев к двум фильмам. Это «Стамбульский транзит» и «Убить «Шакала».

Но иногда он отказывается от предложенного. Например, не привлекла идея романов на документальной основе – о Чикатило и тех же Толстопятовых.

Но на нехватку сюжетов ростовский прозаик никогда не жаловался. Только – на дефицит времени.

И поэтому – и сборники современных российских детективов Оганесов практически не читает. А ещё и потому, что *«слишком много, - считает он, - сейчас в российскую литературу пришло людей, которые и двух слов связать не могут, и в предмете, о котором пишут, ничего не понимают».*

В преобразованиях, начавшихся в 85-м году и приведших ко всеобщему развалу, Николай Сергеевич склонен винить советскую интеллигенцию.

В 50-е – 60-е прошлого века её представители сожалели, что не имеют возможности смотреть киноклассику и читать шедевры мировой литературы. Но писатель прекрасно помнит, что в те годы далеко не все сходили с ума по Феллини или Фрейду.

«Я именно в 60-х годах – задолго до появления видео – увидел процентов 90 всей киноклассики. Причём абсолютно спокойно, в самых обычных кинотеатрах. Очереди и ажиотаж были только на престижные кинофестивали».

Уже много воды утекло с тех пор, как убрали между капитализмом и социализмом занавес.

«Теперь каждый может убедиться, что ожидания интеллигенции и интеллектуалов не оправдались».

Настоящих шедевров крайне мало. Переводную литературу нужно было, конечно, издать, но теперь ясно, что всё самое лучшее было известно и раньше».

Обёртка оказалась ярче и интереснее содержания. Хотя, в непредсказуемой России редко бывает по-другому.

«Когда ж власти, наконец, усвоят, что интеллигенцию надо обязательно слушать, но ни в коем случае нельзя следовать её советам? - спрашивает ростовский прозаик и в очередной раз напоминает, - мы забываем, что путь куда-либо, движение значительно интереснее, чем цель.

За приобщение к мировой культуре россияне заплатили страшную цену.

Кроме совершенно сгнившей плановой экономики и партноменклатурного режима, мы потеряли единственное, что было создано за годы советской власти и чему завидовали все страны мира – институт социальной защиты».

Сейчас Россия, по мнению Оганесова, переживает период относительной стабилизации. Грустно улыбаясь, он говорит, что всё вошло в привычное русло.

Верхушка, как обычно, строит дворцы, суперделовые люди зарабатывают супербольшие деньги, а супернищая интеллигенция – опять сидит на кухне.

Верхушка не замечает интеллигенцию, и интеллигенция отвечает ей полной взаимностью.

Хотя, в непредсказуемой России всё может поменяться в момент.

Ну а что же с либретто Музыкального театра?

Получилось ли перенести чудесную прозу нашего великого земляка на язык танца?

Поскольку Оганесов – специалист по криминалу, легко было предположить, что в ростовском спектакле усилят детективную интригу. Но она – как раз-таки исчезла.

Осталась лишь любовная драма с обманутым мужем, обманутым любовником и убитой из ревности юной ветреной прелестницей.

Адаптация литературного первоисточника для балетного либретто – работа сложная и кропотливая. А если ещё учесть, что дело-то иметь приходится не с проходным, поставленным на поток, макулатурным шоу-мусором.

С великими авторами!

С этой задачей – по мнению балетмейстера – Николая Сергеевича Оганесов справился прекрасно.

А закончить наше повествование хочется ещё одной журналистской байкой.

Она – признаться – не совсем по теме.

Точнее, не по теме героев нашего повествования. Но тоже – по теме криминала.

Итак.

Когда-то в середине 60-х прошлого века, в редакционном сейфе журнала «Дон» полгода лежала рукопись «Мастера и Маргариты».

И сотрудники гордились – не тем, что великое произведение, в принципе, мог опубликовать провинциальный «Дон», а не столичная «Москва», а тем, – что опальная рукопись полгода лежала в сейфе, и НИКТО НЕ НАСТУЧАЛ!

Чем не сюжет для детективного романа?

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адамович А. Ничего важнее // Вопросы литературы. – 1983. – № 3. – С. 12.

Актёры советского кино. Выпуск второй. М.: «Искусство», 1966.

Борисова И. Уроки чтения. // Новый мир. – 1986. – № 4. – С. 36.

Виталий Сёмин в воспоминаниях, письмах и литературной критике. Ростов н/Д: ООО «Орбита», АНО «Ковчег», 2007.

Гегузин И. Страницы ростовской летописи. Ростов н/Д.: Кн. изд-во. 1990.

Губарев В. Избранное. М.: «Детская литература», 1978.

Губарев В. Это грандиозно! // Литература и жизнь. – 1961. – 4 августа. – С. 6.

Дедков И. Обновлённое зрение. М.: «Советский писатель», 1988.

Джичоева Е. Преодоление: Очерк жизни и творчества Виталия Сёмина. Ростов н/Д: Ростиздат, 1982.

Золотусский И. Очная ставка с памятью. М.: «Современник», 1983.

Лавлинский Л. Цена истины // Новый мир. – 1979. – № 4. – С. 43.

Лакшин В. Пути журнальные. М.: «Советский писатель», 1990.

Люди земли Донской. Ростов н/Д: «Омега-Принт», 2008.

Можаев Б. Памяти Виталия Сёмина. // Дон. – 1987. – № 10. – С. 155.

О «Рабочих заметках» Виталия Сёмина. // Литературное обозрение. – 1995. – № 6. – С. 95.

Оганесов Н. Избранное. М.: «АСТ», 1994.

Осипова Т., Цыценко И. Донские писатели XX в. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010.

Региня Л. Обожжённый фашизмом. // Нева. – 1995. – № 5. – С. 164.

Писатели Дона. Ростов н/Д: Ростиздат, 1986.

Сёмин В. Сочинения. М.: «Современник», 1989.

Сёмин В. Что истинно в литературе: Литературная критика. Ростов н/Д: «Новая книга», 2005.

Скрёбов Н. Зависимость от правды. // Дон. – 1990. – № 7. – С. 60.

Сухих И. Трудные истины Виталия Сёмина. // Литературное обозрение. – 1989. – № 1. – С. 60.

Шестаков П. Избранное. М.: «Советский писатель», 1988.

<http://az-libr.ru/index.shtml?Persons&000/Src/0010/aebc2ab5>
<http://bibliodetstvo.org.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=99>
<http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/intervy/gubarev-v.html>
<http://es-kiz.ru/personazh/>
<http://fr.academic.ru/dic.nsf/es/51930/%D0%A1%D1%91%D0%BC%D0%B8%D0%BD>
<http://good-cinema.ru/?id=688&cat=1&type=7>
<http://Internet Movie Database>
<http://lingua.russianplanet.ru/library/gubarev.htm>
<http://kinozal.tv/details.php?id=61058>
<http://kinozone.org/2011/04/tamara-nosova-biografiya-i-primechatelnye-fakty-iz-zhizni/>
<http://ru.hayazg.info>
<http://sapr.mgsu.ru/biblio/putin.htm>
<http://trailer.kinox.ru/index.asp?comm=5&kw=12450>
<http://werawolw.narod.ru/culture/literature/CliteratureSemin.htm>
<http://www.akiros.ru/default.asp?Region=4&NID=21773>
<http://www.allabout.ru/a13248.html>
<http://www.anr.su/literatura/hronika/00.html>
http://www.belousenko.com/wr_Semin.htm
<http://www.deti-book.info/content/category/54/166/287/>
<http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art>
http://www.fandom.ru/about_fan/voronkov_1.htm
<http://www.izvestia.ru/comment/article3107782/>
http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg32-332000/Literature/art6.htm
<http://www.litrossia.ru/archive/75/prose/1767.php>

<http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=671251>
<http://www.ogoniok.com/archive/2004/4872/45-51-53//>.
<http://www.proza.ru/2001/02/05-74>
<http://www.raai.sfedu.ru/Monument/9.htm>
<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu>
<http://www.russian-globe.com/N18/Masalov.Putin.htm>
<http://www.woa/wa/Main?textid=2295&level1=main&level2=articles>

Книга «В зеркале детектива» рассказывает о жизни и творчестве наших писателей-земляков – Виталия Губарева, Виталия Семина, Павла Шестакова и Николая Оганесова.